

ОБРАЗ КОМАНДИРА

Двух командиров рисует А. Крамов в двух спектаклях. Они родственны, несмотря на их глубокое различие. Сквозь годы они протягивают друг другу руки, как бойцы одной армии. Огромное достоинство артиста в том, что он, не повторяясь, не копируя, не одалживаясь у ранее созданного образа, лепит новую, яркую фигуру, отражающую жизнь, возникающую из нее.

Чапаев! На сцене должен предстать не только человек во плоти и крови, но также имя, овеянное легендарной славой. Крамов—первый исполнитель роли Чапаева, он играет его вот уже пятнадцать раз, и в устоявшемся, отшлифованном, мастерски созданном образе еще и еще раз оживает героическая эпоха. Чапаев у Крамова оригинальный, замечательный образ, существующий наряду с блестящим образом Бориса Бабочкина.

Его герой раскрывается сразу, он по дан нарастающую, он сияет, как самородок, вышедший из недр массы. Он знает себе цену и чуть кичится своей славой, в нем еще сильна партизанская вольница. Артист не одевает своего Чапаева в светлые ризы, он показывает живого человека, героя, не прибегающего к помощи ходуль. Но из реальных черточек формируется романтический образ. Из обиденного вырастает легенда.

После «Чапаева» на экране, казалось, невозможно повторить этот спектакль. Какой театр в силах показать «психическую атаку»? На какой сцене можно воскресить незабываемую фигуру на коне, поданную с такой мощью, силой и пластикой, что кажется, будто всадник сошел с величавого памятника. Но спектакль закончен, и после него становится ясным, что «Чапаева» рано сдавать в архив. Замечательная игра Крамова разрушает все опасения о неодолимости спектакля.

А. КРАМОВ
в «ЧАПАЕВЕ»
и «ДАЛЕКОМ»

Засл. артист республики А. Крамов в роли Чапаева.

И вот Малько—тоже командир Красной армии, тоже крупный полководец. Не повторяя ни одной черты Чапаева, Крамов умело подчеркивает родственное между ними. Артист, умеющий найти то характерное, что отличает данный образ от всех других, не мог поступить иначе. Если романтика Чапаева складывается из его реального отношения к жизни, то и Малько сценен этими же чертами. Это сходное, но есть и различие. Крамов прекрасно по-

нимает разницу между Чапаевым и командиром нынешней Красной армии. Малько—не легендарный герой, он полководец, каких немало в нашей стране, но в будущей схватке—это возможный Чапаев, не потерявший его мужества, его связи с миллионами, верный сын партии, обогащенный культурой и большими военными знаниями.

Крамов-Малько с большим и хорошим мужеством ограничивает себя. Драматург дает ему благоприятную ситуацию; его еще нет на сцене, но жители разъезда говорят о нем с любовью, ждут его с нетерпением. Артист отлично знает, что такое отношение к Малько есть своеобразный аванс—обитатели «Далекого» видят в нем представителя партии, крупного командира, а такой человек не может оказаться пустоцветом. Но доверие надо оправдать—вот почему Крамов вначале сдержан, даже чуть насторожен как человек, изучающий обстановку, познающий суть людей. Такая скупость—прекрасный пример ограничения себя для правильного решения целого.

Малько, его человечность, его любовь к людям, его живой ум и бесстрашие раскрываются много позже, достигая предельной высоты в финале. И такой форт героя отличает Крамова. Малько от Крамова-Чапаева, и обе роли утверждают Крамова—подлинного артиста, умеющего выжить в замысел драматурга, проникнуться образом, по казать его ясно, ярко и просто.

В «Далеком» Глаша сетует на неправильный конец жизни Чапаева. Зритель «Далекого» подхватывает мысль Глаши, он волнуется за Малько, он тревожно спрашивает: а будет ли жить комкор? Такое беспокойство за судьбу героя—еще ярче охватывающее выражением чувств зрителя, навеянных мастерством актера.

В.Л. МОРСКОЙ.